Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции: история и социология в поисках объяснения «эмоционального поворота»*

*К выходу русского перевода
книги Яна Плампера «История эмоций»*

ПЛАМПЕР ЯН. (2018). ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ / ПЕР. С АНГЛ. К. ЛЕВИНСОНА. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 568 с. ISBN 978-5-4448-0755-2

Ольга Симонова

Кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: osimonova@hse.ru

Рецензия на книгу Я. Плампера «История эмоций» вряд ли смогла бы полностью отразить все затронутые автором проблемы в современной науке об эмоциях, поэтому автор данной статьи ограничился значением монографии Плампера для социологического исследования эмоций, выделив некоторые моменты пересечения истории и социологии эмоций, в частности социологическое объяснение современного «эмоционального поворота» в науке. Главное теоретико-методологическое противостояние — между социальным конструктивизмом и универсализмом/натурализмом — затрагивает сегодня все социальные и гуманитарные науки об эмоциях, и от выбора позиции в этом вопросе зависит будущее исследователя в данной области. Именно такой выбор и позволяет сделать эта книга, склоняя исследователей к синтетическому подходу. Она помогает обогатить социологическое изучение эмоций фактическим материалом и новой терминологией. Одной из важнейших задач книги является объяснение изменения эмоциональной культуры современных обществ, с которым, по мнению автора статьи, связан «взрыв» интереса к эмоциям в науке и повседневной жизни: возможно, начинается новый «сентиментальный век» как непреднамеренное последствие рационализации всех сторон жизни общества. Сочетание рационального отношения к эмоциям и одновременно особое внимание к чувствам, взрывы коллективных эмоций, настойчивый поиск аутентичных чувств характеризуют эмоциональную культуру современности.

Ключевые слова: история эмоций, социология эмоций, конструктивизм и универсализм, эмоциональная культура, рационализация, эмоциональная рефлексивность

В издательстве «Новое литературное обозрение» вышла в свет фундаментальная монография Яна Плампера (профессора истории Голдсмитского колледжа в Лон-

© Симонова О. А., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-356-378

* Статья является частью исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14-18-03784.

доне) в переводе с английского Кирилла Левинсона¹, посвященная «эмоциональному повороту» в социально-гуманитарном знании. Книга, впервые изданная в 2012 году в издательстве «Siedler» (Германия) на немецком языке, остается остроактуальной и до сего дня. Как отмечает сам автор, это была «попытка сфотографировать ракету в фазе ускорения после запуска» (с. 15). Количество научных конференций на тему эмоций увеличивается с каждым годом, так же как ассоциаций ученых, изучающих эмоции в разных областях (см. об этом: Bericat, 2016; Gonzalez, 2017; Stets, Turner, 2014). Это же можно сказать и о нашей стране (см., например: Винницкий, 2012; Зорин, 2016; Голубев, 2018; Российская империя чувств, 2010). Оживление интереса к эмоциям можно наблюдать повсеместно: Интернет пестрит рекламными объявлениями о тренингах по развитию эмоционального интеллекта и защите от эмоционального выгорания, публичные персоны выступают с лекциями о том, что делать и как жить с негативными эмоциями, как добиться успеха, используя знания об эмоциях, книжные прилавки заполнены научно-популярной литературой об эмоциях, пользователи социальных сетей постоянно делятся своими чувствами и «вбрасывают» их в виртуальное публичное пространство².

Возможно, когда-нибудь в будущем историки констатируют, что в наше время слова «эмоции» и «эмоциональный» весьма распространены в западно-европейских и североамериканских обществах и почти вытеснили в языке повседневности, рекламы, политики и спорта такие близкие по значению слова, как «психология», «психологический» или «моральный», широко употреблявшиеся в 1980-х. Сегодня, когда кто-то открывает стрельбу в школе, родственникам погибших приходится «эмоционально» — а не «морально» или «психологически», как сказали бы еще двадцать лет назад, — справляться с утратой близких... С чем связан этот сдвиг от «морального» и «психологического» к «эмоциональному»?.. Этот вопрос требует исторического анализа. (С. 157–158)

Как разобраться в этом многоголосье информации об эмоциях, избежать устаревших научных выводов, моральных наставлений и сомнительных в профессиональном отношении тренингов по управлению эмоциями? Одной из возможностей является изучение книги Плампера, доступной для понимания широкой публикой и позволяющей сориентироваться в науках об эмоциях. Тем более она интересна социологам, поскольку написана в тот момент, когда в социологии, уже накопившей солидный багаж теорий и исследований, многие важнейшие проблемы, о которых пишет Плампер, так и не артикулированы. На наш взгляд, многие важные выводы монографии смогут объяснить причины «эмоционального пово-

1. В русском издании указано, что перевод осуществлен с английского, однако, как выяснилось, Кирилл Левинсон использовал и немецкое, и английское издание: «Geschichte und Gefühl: Grundlagen der Emotionsgeschichte» и «The History of Emotions: An Introduction».

2. См., например, семинары-тренинги: http://cityclass.ru/hakamada_emotional_capital/ или <http://5psy.ru/obrazovanie/vlastelin-svoicii-emocii-igra-trening-dlya-podrostkov.html> и многие другие пользующиеся спросом платные «услуги».

рота» в социальных науках и определить дальнейшие перспективы развития истории и социологии эмоций.

Плампер утверждает, что «эмоциональный поворот» в социально-гуманитарном знании связан с событием 11 сентября 2001 года, когда стало понятно, что с подобными переживаниями могут не справиться системы социального контроля. С нашей точки зрения, это событие, возможно, и было катализатором, но «эмоциональный поворот» начался раньше — с приходом новой эмоциональной культуры. Повышенный интерес к эмоциям со стороны науки и других социальных институтов, отдельных людей и различных сообществ является свидетельством изменения культурных норм, о чем в последнее время все настойчивее говорят социологи (см. об этом, напр.: González, 2012). Добавим, что сегодня *четкое различие между научным исследованием эмоций и современной эмоциональной культурой отсутствует*, поэтому в понятийном аппарате об эмоциях смешиваются научные и обыденные представления.

При прочтении книги становится ясно, что междисциплинарность в науках об эмоциях неизбежна и необходима. Читатель с самого начала оказывается в клубке дисциплин, которые изучают эмоции, — философия, история, антропология, социология, психология, биология... Монография включает в себя огромное количество ссылок, описаний, примеров, но читается она легко благодаря внимательному отношению к каждому термину. Структура книги представляет собой движение от возникновения истории эмоций до ее перспектив через анализ изучения эмоций в других областях науки. Первая глава «История истории эмоций» представляет собой обзор формирования современной истории эмоций, авторскую интерпретацию причин «эмоционального поворота» в истории, размышления автора о предпочтительной концептуализации эмоциональности. Вторая глава посвящена социальному конструктивизму и антропологии эмоций, а третья — универсализму/натурализму/эссенциализму в изучении эмоций и, соответственно, «наукам о жизни». Завершается основная часть книги главой «Перспективы истории эмоций». Замечательно, что библиография к книге разделяется по рубрикам: книжные серии, специализированные журналы, блоги и форумы, сайты, собственно список литературы, рассортированный по разным дисциплинам (истории, истории науки, антропологии, психологии, философии, визуальным исследованиям, правоведению, лингвистике, политологии, социологии, нейроисследованиям и др.), междисциплинарный глоссарий. Автор книги также считает, что социальные и гуманитарные науки об эмоциях должны реагировать на последние разработки в нейрофизиологии, совершенствуя объяснительные возможности собственных дисциплин. Эта книга — свидетельство того, что именно эмоции являются *точкой междисциплинарной сборки не только для социальных и гуманитарных наук, но и естественнонаучного и социально-гуманитарного знания*. Причем дисциплинарные границы отнюдь не размываются, а осознаются все лучше, одновременно появляются новые «платформы» для междисциплинарной кооперации. Монография заслуживает внимания социологов, поскольку ведет

к историческому и культурному пониманию эмоций, к признанию их изменчивости и укорененности в социальной структуре в противовес универсализму некоторых направлений в психологии и нейроисследованиях. Это и является главным в социологическом подходе к эмоциям (Симонова, 2016), которые представляют собой не столько универсальные реакции, «отпечатки в мозгу» (Фельдман Баррет, 2018: 20–21), сколько аффективно-когнитивные комплексы, сформированные культурой, историческим и социальным контекстами. Одно из главных преимуществ данной монографии состоит в том, что автор предстает *социологом науки* — развенчивает мифы об эмоциях, анализирует различные способы размышлять о них и подвергает обоснованному сомнению некоторые обыденные представления.

Лейтмотивы книги и социология эмоций

В монографии отчетливо прослеживаются два лейтмотива. Первый связан с осторожным отношением к трактовке эмоций в «науках о жизни», биологически ориентированных естественных науках, включая некоторые направления в психологии, которым посвящена самая объемная глава. Автор убежден в необходимости критической оценки «легкомысленных заимствований из нейронауки, которые столь модны ныне в некоторых гуманитарных и социальных дисциплинах, особенно в литературоведении и искусствоведении, а также в политологии» (с. 15). Второй лейтмотив — это призыв к разработке сбалансированного подхода к эмоциям, который мог бы существовать между Сциллой универсализма, свойственного наукам о жизни, и Харибдой социального конструктивизма, свойственного наукам о культуре. «Фактически структура научного изучения эмоций — и структура книги — задана именно дихотомией „социальный конструктивизм vs универсализм“» (с. 193). Автор книги, анализируя разные дисциплинарные подходы к эмоциям, везде обозначает это противостояние, чтобы «в конце концов навести через него мосты» (с. 17). Для этого Плампер часто доводит до радикальной позиции разницу между универсализмом и конструктивизмом, постоянно задавая вопрос — действительно ли существуют эмоции, или это только понятие западной науки и культуры, — и ищет подходы к пониманию эмоций за пределами дилеммы конструктивизма и универсализма.

Водораздел между социальным конструктивизмом и универсализмом начинается с понимания того, что такое эмоция. Уже во введении и первой главе книги Плампер начинает разоблачение универсальности эмоций, прежде всего тех, что считаются «базовыми», — страх, гнев, радость, отвращение, удивление (этот список может быть увеличен до 10–11 эмоций [см. об этом: Turner, 2007]). Вопреки определенным направлениям в современной психологии и нейронауке, эти эмоции не имеют, согласно автору, четкой локализации в мозге и, соответственно, их нельзя обнаружить в чистом виде в других культурах, да и, как оказалось, не во всех западноевропейских обществах тоже. В связи с этим Плампер осуществляет краткий экскурс в историю философии (от Платона и Аристотеля до современ-

ной философии эмоций и нейронауки), предлагая проследить, как в западном мире менялись представления о том, что мы сегодня называем эмоциями. Главное в истории понятия «эмоция» заключается в том, что общеупотребительным в философии и в науке оно становится только к концу XIX века. Ученые «ухватились» за него», чтобы отделить научное представление об эмоциональной сфере от морального и религиозного содержания (Dixon, 2003), поэтому так и получилось, что «эмоции» охватывают огромное количество состояний и выступают в качестве метапонятия³. «Я решил использовать слово «эмоции» как метапонятие. В качестве синонима я использую слово «чувство». Вместе с тем я не хочу уклоняться от историзации, поэтому стараюсь четко обозначать специфичное использование каждого из этих двух терминов всякий раз, когда они встречаются в языке источника» (с. 22).

Одним из важных вопросов является «у кого бывают эмоции?», ведь в мире современной (западной) культуры эмоции сегодня рассматриваются как возникающие внутри человека и представляющие собой нечто личное, индивидуальное убежище автономии и уникальности. Однако «ответы на этот вопрос связаны с большими различиями, имеющими место в истории человечества — социальными, гендерными, этническими... Поэтому, вместо того чтобы за отправную точку брать вопрос «Кто чувствует?» и искать на него неопровержимый ответ, историку эмоций предпочтительнее сделать предметом своего изучения исторически меняющиеся ответы на этот вопрос» (с. 48–49).

С этим сопряжен и вопрос «Где место эмоций?», который также требует ответа с учетом исторического контекста: так, в традиционных обществах не всегда считалось, что эмоции локализованы в самом человеке, в его теле («в сердце»). Согласно довольно распространенному типу верований, эмоции были присущи духам или богам и по их воле могли внезапно одолевать людей. Плампер показывает, что история имеет дело с огромным разнообразием *представлений* о чувствах, за которыми могут стоять и врожденные способности (хотя это не главное). Сегодня побеждает представление, что эмоции локализуются в самом человеке, в его теле, прежде всего в его нервной системе, мозге, но все также может измениться: «было бы фатальной ошибкой думать, что тело есть нечто вневременное и одинаковое во всех культурах» (с. 52–53). Иными словами, *у эмоций есть своя история*, а у дисциплины «история эмоций» — своя *предыстория*.

Плампер называет ряд влиятельных фигур, заложивших фундамент современной истории эмоций. Это В. Дильтей, К. Лампрехт, Г. Штейнгаузен, К. Брейзиг, Г. Зиммель, М. Вебер, Й. Хейзинга, Т. Зелдин и др. Он особенно выделяет работы Люсьена Февра и Норберта Элиаса, которые, по его мнению, фактически «узаконили» исследование эмоций в истории. Из работ Февра социологи могут за-

3. Например, страх русского солдата во время Первой мировой войны (Плампер и др., 2010), страх маори перед сражением или древнеримского легионера — это всегда один и тот же страх? Сопровождается ли он одинаковыми физиологическими реакциями? Впрочем, в работе о страхе Плампер так и не дает его определения.

имствовать идеи и их фактические иллюстрации, к примеру, о том, что эмоции глубоко интерсубъективны, многослойны и амбивалентны, и порой проявляются одновременно. Февр выразил сомнение в том, что социально-исторический процесс движется по пути большего контроля над эмоциями, что является основным в подходе Элиаса, но оба мыслителя расшатывали эссенциалистское представление о чувствах (с. 82). Плампер не разделяет подхода Элиаса, считая, что многие исторические события его опровергают, но для социолога насущной задачей оказывается именно анализ современного общества и последствий возрастания формальной рациональности, в числе которых присутствует особое отношение к эмоциям. Однако для историков — это своеобразный «гранд-нарратив» (Rosenwein, 2002), который не является доказанным, в свою очередь, социологам есть повод задуматься и, возможно, пересмотреть работы Элиаса с точки зрения новых концептуализаций эмоций в истории и социологии.

Начало формирования современной истории эмоций Плампер отсчитывает от книги Уильяма Редди «Навигация чувств» (Reddy, 2001), который свел «воедино социально-конструктивистские подходы из антропологии эмоций и универсалистские из когнитивной психологии, предложил синтетическую теорию истории эмоций» (с. 97), приложив ее к истории Франции XVIII века. Плампер также упоминает как программную статью американских историков Питера и Кэрол Стернсов — «Эмоциология: проясняя историю эмоций и эмоциональные стандарты» (Stearns, Stearns, 1985), хотя она вышла намного раньше. В этой статье провозглашалось создание новой дисциплины «эмоциологии», занимающейся исторически обусловленными правилами и стандартами, с помощью которых регулируются выражения чувств (Stearns, Stearns, 1985: 814). Эмоциональный опыт и правила культуры, согласно которым происходит выражение чувств, здесь концептуально разделяются, как и в социологии. Однако, хотя этими историками были опубликованы несколько монографий по истории эмоций и эмоциональной культуре США, история эмоций, по мнению Плампера, еще не стала считаться отдельной областью исследований. По нашему мнению, американские историки, подчеркивая важнейший момент различия между переживанием и выражением эмоций и отделяя эмоциональные нормы от непосредственного опыта, следуют за идеями социолога Арли Хохшильд, акцентировавшей роль эмоциональной культуры в конце 1970-х годов (см.: Hochschild, 1983), то есть немногим раньше историков эмоций.

Определение эмоций в истории и социологии

Плампер отказывается от радикального социального конструктивизма, признавая, что историкам нужно «*рабочее определение эмоций*», но не дает его, поскольку «вся эта книга задумана как навигационный прибор, помогающий в поисках такого определения» (с. 63–64). Каждый исследователь должен определиться в своих взглядах на эмоции и искать, что понимали в другие эпохи под чувствами в зависимости от различных верований и групповой принадлежности. Наряду с этим

автор подчеркивает, что история эмоций является преимущественно европейской и североамериканской, а «роль авангарда в истории эмоций играет медиевистика» (с. 109). С нашей точки зрения, Плампер выбирает в качестве рабочей концепцию «эмоциональных сообществ» историка-медиевиста Барбары Розенвейн, которая в определенной степени преодолевает представления об эмоциях как универсальных явлениях: это

те же самые сообщества, что и социальные: семьи, кварталы, парламенты, цехи, монастыри, церковные приходы. Но исследователь, изучая их, ищет прежде всего системы чувств: что эти общины (и индивиды в них) определяют и расценивают как ценное или вредное для себя; оценки, которые они дают чувствам других; характер аффективных связей между людьми, которые они признают; а также модусы выражения эмоций, которые они ожидают, поощряют, терпят или осуждают. (Цит. по: с. 111)

Среди эмоциональных сообществ Розенвейн выделяла «социальные», характеризующиеся единством норм, регулирующих эмоциональную жизнь их участников, и «текстуальные», основанные на общности идеологии. Один и тот же человек может входить одновременно в разные социальные и текстуальные сообщества, системы норм в которых могут противоречить друг другу (Rosenwein, 2006: 24–25). Эта концепция особенно полезна для социологии, поскольку дает возможность критически рассмотреть основные черты эмоциональной культуры современных обществ, где рациональный контроль над эмоциями становится ценностью, институционализируется в различных социальных сферах, а управление эмоциями оказывается «вездесущим» и настоящим, что, возможно, есть уникальная примета времени (Gonzalez, 2017; Hochschild, 1983; Элиас, 2001). Именно управление эмоциями попадает в сферу интереса социологии, а потому Плампер для своего краткого экскурса в социологию эмоций (во второй главе) выбирает работы Арли Хохшильд и Эвы Иллуз (Hochschild, 1983, 2007; Illouz, 2007, 2012), исследующие последствия рационального управления чувствами.

О трудностях формулировки определения эмоций пишут специалисты практически во всех областях науки, и консенсус по этому поводу до сих пор не выработан. Сегодня в зависимости от целей исследования социологи и психологи определяют эмоции через их различные компоненты (иногда функции) (см. об этом: Симонова, 2016), многие ученые не делают окончательного выбора между конструктивизмом и универсализмом, пытаются предложить синтетические определения. Приведем для примера одно из определений, которое, на наш взгляд, как-то схватывает суть этого сложного феномена: «Эмочия это универсальная, функциональная реакция на внешний стимул-событие, временно интегрирующая физиологические, когнитивные, феноменологические, поведенческие выражения, способствующая приспособительной и формирующей окружение реакции на те-

кущую ситуацию» (Kalat, Shiota, 2007: 313)⁴. Это громоздкое определение — примета современного состояния науки об эмоциях, оно несет в себе неизбежные недостатки, связанные с отсутствием в явном виде культурных (языковые обозначения и определения) и социальных компонентов (непонятен субъект и объект эмоции и связь с окружением). Однако это определение позволяет до некоторой степени отличать эмоции от других переживаний, здесь эмоция трактуется сродни «вспышке» (или целостному переживанию разной длительности), в которой сливаются и опыт, и оценка текущей ситуации, и знание, и телесность, и поведение, и общая функциональность. Однако в нем слабо отражается конкретное содержание эмоции. Социология эмоций, как и история эмоций, стремится отразить культурно-историческое содержание, но настаивает на поиске определений и моделей⁵, новых классификаций, поскольку метапонятия многих уже не устраивают (Bericat, 2016). Социологи отходят от простейших классификаций эмоций на негативные и позитивные, базовые/универсальные и культурно специфичные, однако ими все еще до конца не продуманы способы справляться с дилеммой конструктивизма/универсализма (Симонова, 2016). Представляется, что в поисках новых концептуализаций эмоций социологам сегодня важно обратиться к истории и антропологии эмоций.

Конструктивистский путь для истории эмоций: антропология, социология и история

Для того чтобы написать историю эмоций, Плампер «отправляется» в антропологию — во второй главе «Социальный конструктивизм: Антропология» он рассматривает самые интересные, по его мнению, работы об эмоциях: «...случаи из антропологической литературы подрывают представление об универсальности человеческих чувств. Они показывают, что существует такое межкультурное разнообразие эмоций и способов их проявления, что приходится окончательно отбросить идею, будто все люди чувствуют одинаково и что именно сходство на эмоциональном уровне объединяет всех людей» (с. 126).

Плампер проследживает антропологическое изучение эмоций, начиная с ранних этнографических работ об эмоциях (1970-е годы, в основном работы Дж. Бриггс и Р. Леви), которые принесли широкое признание западным антропологам. Конструктивистский подход в антропологии окончательно сформировался в только в 1980-е годы, когда они признали эмоциональный опыт культурным, а не докуль-

4. Определения (с неизбежными ограничениями) дают и другие специалисты: эмоции — «эпизодические, относительно кратковременные, биологически заложенные образцы восприятия, опыта, физиологии, действия, коммуникации, которые возникают в ответ на специфические физические и социальные вызовы и возможности» (Keltner, Gross, 1999: 468). Здесь также можно найти отсутствие языковых обозначений эмоций, сведение их к кратковременным переживаниям, не виден субъект реакции.

5. Социологи продолжают настаивать, что следует дать определения хотя бы некоторым эмоциям, которые представляются универсальными: «стыд», «любовь», «зависть» и др. (Scheff, 2011).

турным, что было связано с «культурным» и «лингвистическим» поворотом. Среди антропологов Плампер особенно выделяет Мишель Розалдо, Лилу Абу-Луход и Кэтрин Латц, считая работы последней апогеем социального конструктивизма в антропологии эмоций. В книге «Неестественные эмоции» (1988) она писала:

На первый взгляд может показаться, что нет ничего более природного и, следовательно, менее культурного, чем эмоции; ничего более приватного и, следовательно, менее открытого для взора социума; ничего более зачаточного и менее совместимого с логосом общественных наук. Однако подобные представления можно рассматривать как элементы культурного дискурса, чьи традиционные предположения о человеческой природе и чьи дуализмы — тела и сознания, публичного и приватного, сущности и внешности, иррациональности и мысли — конституируют то, что мы принимаем за самоочевидную природу эмоций... (Цит. по: с. 175)

Латц рассматривает эмоции как идеологическую практику, призывая изучать вербальные и невербальные знаки эмоций, встроенные в человеческую деятельность. Однако если довести данную позицию до логического конца, то получается, что антропология также не имеет права использовать понятие «эмоция» при описании других культур, поскольку оно «сконструировано» в западной культуре. Исходя из этого и антропологи, и историки, и социологи сталкиваются с необходимостью выработки новых моделей эмоционального опыта, учитывающих огромное культурное разнообразие. У историков эта проблема стоит острее, поскольку они не всегда могут общаться со свидетелями изучаемых исторических событий.

Анализ антропологических исследований дополняется совсем небольшим экскурсом в социологию, в котором Плампер отмечает потенциал именно классической социологии в изучении эмоций и одновременно высказывает удивление по поводу молчания в отношении эмоций, которое наблюдалось в социологической науке с конца 1920-х до 1970-х годов. Из всех работ по социологии эмоций автор выбирает для анализа книгу А. Р. Хохшильд «Управляемое сердце» (1983) и некоторые идеи Э. Иллуз, в которых делается акцент на рациональном контроле над чувствами, поскольку именно в них видится возможность противостоять эссенциализму в понимании эмоций (Hochschild, 1983, 2007; Illouz, 2007, 2012). Заметим, что трактовка Плампером взглядов Хохшильда кажется довольно упрощенной, он упрекает ее, как и Н. Элиаса, в распространении тенденций западного общества на другие культуры (прежде всего коммерциализации чувств через эмоциональный труд), что «лишает работу Хохшильда морально-критической остроты» (с. 202). Книгу Иллуз о «коммерциализации романтической любви» (Illouz, 2014) Плампер признает полезной, но критикует за «хронологический беспорядок» и эклектизм (с. 212). Но главное, что, несмотря на скудный экскурс в социологию, автор справедливо обращает внимание на то, что социологов по большей части недостаточно заботит проблема универсализма/конструктивизма, и они продолжают изучать

эмоции, не определившись по отношению к ней. В отличие от социологов антропологи с 2000-х годов стали искать выход из известных бинарных оппозиций в изучении эмоций (разум/тело, рациональное/иррациональное и др.), примером чему служат синтетические подходы У. Викан, Л. Митчелл, К. Хайдера. Это повлияло на развитие истории эмоций: опираясь на работы историков Паскаля Айтлера и Моник Шеер, Плампер пишет, что историческое изучение эмоций должно строиться не на способах «говорения об эмоциях» (speaking emotion) и «мышления об эмоциях» (thinking emotion), а скорее на «делании эмоций» (doing emotions) или «испробывании эмоций» (trying emotions) (с. 225). Иными словами, нужно рассматривать исторически проявленные «случаи эмоций», которые опознаются таковыми и фактически выполняют функции, схожие с суждениями. Эмоции — это скорее смысловое наполнение переживаний в связи с ситуацией, создающее «распоряжения для действия» (Фельдман Баррет, 2018: 154). Впрочем, в социологии примерно в это же время также стали появляться синтетические подходы к пониманию и концептуализации эмоций (см.: Бардина, 2017).

Исследование эмоций в науках о жизни и в науках о культуре: притяжения и отторжения

Автор книги выстраивает историю формирования представлений об эмоциях в «науках о жизни» от Чарльза Дарвина до современных нейроисследований с точки зрения борьбы между социальными конструктивистами и универсалистами. Он «разоблачает» теорию «базовых эмоций» Пола Экмана, завоевавшую в свое время огромное количество сторонников и утвердившую эссенциалистский взгляд на эмоции. В этой теории доказывается наличие эмоций, универсальных для всех культур: для них характерна одинаковая физиологическая реакция, экспрессивная мимика, общее эволюционное происхождение, содержание и функции. Главным образом это радость, гнев, отвращение, страх, печаль и удивление, хотя этот список все время корректируется. Первые эксперименты Экмана базировались на выборках студентов, которым показывали фотографии «эмоций в чистом виде», затем им были проведены унифицированные эксперименты в разных культурах по узнаванию эмоций по фотографиям и сделан вывод об универсальности «базовых» эмоций. Ученый создал универсальную кодовую систему определения эмоций по выражениям лица, которая используется не только в науке, но и системах безопасности США. Плампер пытается с позиций социологии науки понять, почему его теория потеснила конструктивизм. Первая критика теории Экмана прозвучала со стороны антропологов М. Мид, Г. Бейтсона, Р. Бердвистела, которые полагали, что в экспериментах демонстрировались *симуляции эмоций*, кроме того, предлагался только семантически ограниченный ряд эмоций (на английском (!) языке). По их мнению, мимика не обязательно связана с чувствами, а в передаче эмоций царит безграничное культурное разнообразие. Однако в США теория Экмана была широко принята и поддержана. Как пишет Плампер, «это был

триумф суггестивной силы фотографических и кинематографических изображений над честной наукой; триумф удобства, так как эксперименты могут быть легко воспроизведены с помощью набора фотографий, которые можно приобрести у фирмы Экмана через интернет; триумф стратегического способа действий и маргинализации несогласных» (с. 256). Интересно, что теория Экмана приобрела популярность в массовой культуре и продолжает оставаться очень влиятельной в науке, но теперь ее критика все чаще исходит от психологов, ориентирующихся на критерии экспериментальной психологии. Оппоненты Экмана, к которым относит себя и автор книги, предупреждают об опасных социальных последствиях убежденности в универсальности эмоций: признание эмоций не зависящими от мышления и контроля человека (как полностью иррациональных эволюционных механизмов) ведет к тому, что они могут «именем науки» приписываться (со стороны разных заинтересованных групп) другим людям, их не переживающим, а отсюда недалеко до тотального контроля и разных видов дискриминации. На этом рассуждении Плампер строит «миссию» самой большой главы в книге — «предостеречь историков от необдуманных заимствований из „экспериментальной психологии, особенно в ее новой, нейрологической разновидности“» (с. 265).

Плампер реконструирует историю изучения эмоций в психологии, фокусируясь на экспериментальной части этой науки, отслеживает «рождение психологических концепций эмоций из духа эксперимента» и попыток измерить эмоции, начиная со времен образования лаборатории В. Вундта. Изобретения инструментов измерения психологической жизни способствовали тому, что «значение субъективных и языковых аспектов эмоций принижалось. Фактически чувства были демистифицированы» и практически не отделялись от других переживаний, к примеру, боли (с. 301). Психологические теории середины XX века становились все более сложными, но все еще полагали эмоции частью неизменной человеческой природы, которая слабо зависит от культуры. Самым интересным в этой связи является анализ современных нейрологических исследований эмоций с помощью МРТ и других технологий визуализации. Томограф Плампер называет «душеразведочной шахтой», его изобретение стало началом бума нейроисследований эмоций. Плампер рассматривает три важнейшие нейрологические теории в области изучения эмоций — теорию страха Дж. Леду, гипотезы соматических маркеров А. Дамасио и зеркальных нейронов Дж. Ризцоллатти, В. Галлезе, М. Якобони, а также «миграцию» этих гипотез в гуманитарные и социальные науки («нейроисторию», «нейрополитологию», «нейроэкономику», «нейросоциологию» и т. д.). Эти дисциплины фокусируются на неосознаваемых непосредственных переживаниях и процессах в мозге, которые обуславливают индивидуальное и социальное поведение. Например, политологи полагают, что «аффективно заряженное действие происходит еще до того, как кристаллизуется восприятие» (с. 377). Получается, что хотя эмоции — важнейшая часть нашей жизни, в том числе рациональных процессов мышления, но все же они обусловлены нашей биологией. Некоторые представители социальных и гуманитарных наук стали полагаться на результаты

нейроисследований, сочтя это «надежным и успокаивающим». «Как возникла эта ориентация на нейронауки?.. Одно из объяснений — триумфальное шествие этих дисциплин в области самих естественных наук. Новое знание и новые методы... впервые позволили визуализировать процессы, идущие в мозге. Важны были также и внутренние тенденции в гуманитарных науках, прежде всего — начавшийся распад постструктурализма...» (с. 364–365). Плампер объясняет этот успех нейробиологических теорий тем, что их авторы — одновременно известные популяризаторы науки. Так, нейрополитологи часто цитируют популярные, а не академические тексты (с. 382). Идеи, возникающие в недрах нейронауки, обретают популярность у политических активистов. В книге «Империя» (2000) Майкла Хардта и Антонио Негри показано, как в современном обществе человеку не скрыться от всепроникающей системы биовласти постиндустриального капитализма, где поведение людей контролируется через эмоциональный труд, создавая «позитивное» отношение к труду и к властям. Но поскольку эмоциональность человека — это сфера, которую нельзя полностью взять под контроль, она же может быть и источником сопротивления этой власти или нейроаффективным фундаментом для сопротивления, «возможностью для политической организации и коллективных практик отказа и освобождения» (с. 386–387).

Критика таких подходов звучит и со стороны гуманитарных и социальных наук, и со стороны представителей естествознания, особенно критической нейронауки. Критическая нейронаука и конструктивистская когнитивная психология (Фельдман Баррет, 2018) базируются на *интегральной концепции мозга* (сетевой характер мозга не позволяет точно сказать, где «локализованы» эмоции) и на *пластичности мозга*, который изменяется под воздействием социально-культурного мира (эмоциональные переживания каждый раз могут быть сконструированы, и томограмма мозга может оказаться сопоставимой с артефактами человеческой культуры). Все это означает, что эмоции являются понятиями, которые конструируются нашим мозгом в соответствии с внутренними телесными ощущениями и окружающим социальным миром. Но и здесь, по замечанию Плампера, многие проблемы остаются нерешенными — понятия перемешиваются, эмоции выступают как «когмоции» (cogmotions), их трудно отделить от другой деятельности мозга. Таким образом, в результате критического взгляда на нейроисследования мозг для историка оказывается историческим и культурным объектом, представления о котором меняются (с. 399–401).

В социологических исследованиях эмоций распространены универалистские концепции эмоций и задействованы гипотезы и технологии нейроисследований (см., например: Franks, 2012; Stets, Turner, 2014). Книга Плампера, в свою очередь, «охлаждает» пыл социологов-универсалистов и заставляет принимать во внимание необходимость осторожно относиться к гипотезам нейроисследователей при концептуализации эмоций, ориентироваться на метаанализ (сравнение множества исследований по одной теме) (с. 451–452) и строить собственные классификации, искать «культурные конфигурации», в которых отражаются разные компо-

ненты эмоциональных переживаний. Нельзя полагаться только на анализ мимики и физиологических реакций.

Современное состояние истории эмоций и перспективы для социологии

В заключительной главе книги «Перспективы истории эмоций» Плампер показывает, как современные историки уходят от дихотомии социального конструктивизма и универсализма. Он выделяет только те работы, авторы которых, с его точки зрения, осознанно выбирают синтетический подход и предлагают новые концепции для анализа эмоций. У. Редди пытается преодолеть дихотомию социального конструктивизма и универсализма с помощью концептов «эмотивов», «эмоциональной навигации», «эмоциональных режимов», «эмоциональных убежищ», «эмоциональной либерализации», «эмоционального страдания» и др., которые, с одной стороны, являются генерализующими, а с другой — дают возможность сравнивать различные исторические периоды и культуры (Reddy, 2001). Редди предлагает изучать способы высказывания об эмоциях в каждую эпоху — «эмотивы», в которых заключается констатация факта переживания, оценка ситуации и подготовка к действию. «Эмотивы», речевые акты об эмоциях, не только обозначают, но и конструируют реальность, то есть могут менять действия людей. «Эмоциональный режим» — это ансамбль предписанных «эмотивов» и связанные с ними ритуалы и практики, которые обычно сопровождают/поддерживают каждый политический режим. Хотя Редди придает «эмоциональному режиму» политическое звучание, сегодня это понятие, в частности в социологии, используется для общего обозначения ансамбля эмоциональных норм и стандартов (Gonzalez, 2012). «Эмоциональная навигация» — это маневрирование между различными конфликтующими объектами, на которые направлены эмоции. По Редди, «эмотивы» дисфункциональны, если затрудняют «эмоциональную навигацию» и ведут к нарушению равновесия между противоречивыми целями эмоций. Чем сильнее конфликты между различными ориентациями и чем меньше у человека «эмоциональных убежищ», тем сильнее «эмоциональное страдание». «Эмоциональная свобода» — это минимизация «эмоционального страдания», идеал и сознательное усилие, относительно которой можно сравнивать разные «эмоциональные режимы». Плампер считает полезными концепты Редди, особенно «эмотивы»: «эмоциональные высказывания исторических акторов нельзя отделить от их чувств: всегда существует петля обратной связи между высказанной мыслью и чувствуемой эмоцией», однако «эмотивы» ставят слова в привилегированное положение перед другими формами эмоционального поведения, упускается роль ситуации и воспоминания, столь важного для исторического исследования (с. 419, 426–427). По нашему мнению, для социологов «эмотивы» могут стать многообещающим подспорьем, поскольку иные способы узнать о чувствах часто недоступны.

Помимо терминологии Редди, Плампер уделяет внимание понятию «эмоциональных практик» немецкого историка М. Шеер (Scheer, 2012), которое представ-

ляет собой попытку преодолеть дуализм разума и тела, структуры и агентности, переживания и выражения эмоций. Тело, а вслед за ним и эмоции, рассматриваются как культурно-исторические феномены, сознание человека требует одновременно «работы» тела, мозга и культурного мира. Шеер выделяет различные типы эмоциональных практик, в которых люди манипулируют телом и мыслью с целью вызвать чувства, либо с их помощью находят способы придать смысл своим чувствам. Например, *именующие* эмоциональные практики (наряду с мобилизующими, регулирующими, сообщающими) связаны с порождением значений, когда именование эмоций делает их доступными для опыта и управления. В этих практиках человек скорее «делает» или «пробует» эмоции, которые можно расположить в континууме от непреднамеренных и неосознанных до преднамеренных и осознаваемых. В эмоциональной практике возникает и сам чувствующий субъект, располагающий себя в рамках габитуса. В социологии в последние годы активизировался подход «телесно-ориентированной» социологии эмоций (см. об этом: Бардина, 2017), который позволил связать действие, тело, эмоцию и суждения, обусловленные социальным миром. Используя этот подход, мы можем исследовать совершенно уникальные или, возможно, в чем-то подобные переживаниям в других культурах, эмоциональные «сгустки», обусловленные одновременно телесностью и культурой, эмоционально окрашенные культурные конфигурации, описывающие и даже объясняющие наблюдаемые явления.

«Золотая лихорадка» в истории эмоций, согласно Пламперу, имеет совершенно отчетливые перспективы при изучении *политической истории* (особенно социальных движений); *экономической истории* (особенно культуры потребления); *истории права*; *истории современных коммуникаций*; *коллективной памяти*; *эмоций историков* в процессе познания; *эмоциональных стереотипов*; *коллективных эмоций*; *сравнительных исследований* по истории эмоций и др. В социологии уже есть впечатляющий корпус исследований эмоций в разных сферах общества, в том числе как раз по указанным областям (Stets, Turner, 2014). Важным следствием выявления этих перспектив для социологов является «*принципиальная*» *междисциплинарность*, которая потребует не только корректной адаптации находок из других дисциплин, но и прежде всего новой квалификации самих социологов. Уже сейчас очевидно: чтобы исследовать эмоции в каком-либо контексте, нужна дополнительная специализация, например, в области лингвистики («словари» эмоциональной культуры), истории (отслеживать временные изменения в эмоциональных нормах) или психологии (знания о психологической динамике эмоций) (Симонова, 2016).

Эмоциональная культура современного общества и эмоциональный поворот в науке.

Контрапунктом книги Плампера является попытка объяснить причины «эмоционального поворота» в западной науке. Согласно автору, он произошел не толь-

ко в силу общего развития дисциплин и окончания так называемого «лингвистического поворота» в социально-гуманитарном знании, но прежде всего как следствие крупнейшего теракта 11 сентября 2001 года. Это событие вызвало «вал эмоциональной коммуникации» и настоятельную необходимость эмоциональной переработки травматического события:

Что скажет анализ дискурса о таких явлениях, как религиозный экстаз и ненависть, феноменах, которые после 11 сентября казались настолько непосредственными, доязыковыми, что их то и дело сопровождали эпитетами «архаический» и «стихийный»? Теракты в Нью-Йорке, Вашингтоне и Пенсильвании поставили под сомнение аналитический инструментарий постструктуралистской исторической науки и способствовали дальнейшему подъему наук о жизни. (С. 99–100)

Плампер считает, что с этого момента началась новая эпоха интенсификации интереса к эмоциям, массированное изучение эмоций в новых и традиционных областях. Так, это событие ускорило революцию в биологии — мозг становится главным объектом исследований, затем эти идеи мигрируют в социальные и гуманитарные науки. Плампер пытается определить и другие предпосылки «эмоционального поворота»:

Вероятно, отчасти это связано с внутренними процессами в психологии и с тенденциями в других науках. Важную роль сыграли, вероятно, прежде всего то большое значение, которое эмоции имели в философском экзистенциализме, и глобальная мода на экзистенциализм среди студентов. Вполне возможно также, что и общие социальные процессы привели к изменению отношения к эмоциям. Женское движение и тот факт, что женщин становилось все больше в университетах и в профессиональной жизни, несомненно, подняли престиж качеств, традиционно приписываемых женщинам, в том числе эмоциональности. В 1970–1980-х гг. широкое проникновение психотерапии в повседневность, появление многочисленных групп самопомощи, а также движение New Age способствовали тому, что люди стали больше говорить о собственных чувствах, и это тоже внесло вклад в повышение ценности эмоций в общественном сознании. (С. 326).

Однако замечу, что социологи уже более 40 лет назад наметили концептуальные пути изучения эмоций, а классики социологии давно обратили внимание на то, что в природе капитализма заложено особое отношение к эмоциям: считающиеся неподконтрольными эмоции становятся проблемой, контроль над чувствами — одной из основных ценностей, а сами эмоции «смещаются» в мир интимного и приватного и ценятся как нечто подлинное, уникальное, живое. Современная эмоциональная культура и «особый эмоциональный режим капитализма» (Illouz, 2007) связаны с высокой рационализацией и индивидуализацией. Сегодня распространено общее представление, что именно во внутреннем мире индивида и кроется источник социальных проблем, которые должны в силу этого решаться

самим индивидом. Это часть общего процесса индивидуализации, в результате которого «социальные проблемы все более воспринимаются в терминах психологических установок: как личная неадекватность, чувство вины, тревоги, конфликты и неврозы» (Beck, Beck-Gernsheim, 2001). Многие социологи писали о процессе «психологизации» современного общества, моральном упадке сообществ, нарциссической культурной тенденции вследствие идеологии индивидуализма, которую несет с собой «поздний капитализм» (Rieff, 1987; Ahmed, 2004; Lasch, 1979; Hookway, 2013 и др.). Эта психологизация обуславливает интерес к отдельной жизни человека, его переживаниям, мыслям, его биографии и, соответственно, эмоциям (Flamarique, 2012). Научная и практическая психология, психотерапия оказываются одним из доступных языков говорения об эмоциях на обыденном уровне. Эта тенденция во многом связана с «терапевтизацией» культуры (Furedi, 2004; Illouz, 2012; Gonzalez, 2017). Все эти процессы снижали значение социальных и культурных условий в общественном сознании в пользу обсуждения личных эмоций, которые одновременно нужно контролировать или выражать сообразно контексту. «Вчерашний экономический и социальный детерминизм был преодолен новым и не менее жестким детерминизмом — эмоциональным детерминизмом» (Scheff, 2011: 353).

Социальные изменения происходят сегодня в ускоренном темпе, одно за другим случаются события глобальных масштабов. Осознание рисков, сопровождающих социальные изменения, выражается в усилении страха и тревоги, озабоченности будущим (Beck, 2000; Furedi, 1997; Sennett, 2006), поэтому контроль над чувствами дает основание думать, что можно справиться и с ситуацией, сами же эмоции обладают способностью преодолевать неопределенность будущего наряду с рациональным мышлением (Barbalet, 1997: 49). Управление эмоциями в современном обществе — знак «жизненной связи между социальными противоречиями и частными попытками управлять своими чувствами» (Hochschild, 1983: 202). Этому соответствует развитие области исследований «эмоционального интеллекта» и терапевтическая и коммерческая практики «работы с трудными эмоциями», играющие роль «защитного мифа индивидуализма» (Scheff, 1990: 12). Разнородность, сложность эмоциональной культуры можно трактовать как разнообразие реакций на типичные угрозы, которые несет в себе современный мир.

Ведущей чертой современной эмоциональной культуры часто называют «культуру страха» (Furedi, 1997), в свою очередь, классики писали о «культуре эмоциональной холодности» (Illouz, 2007), «непризнанного стыда» (Scheff, 2014), «культуре симпатии» (Clark, 1997), «грусти/депрессии» (см.: Бардина, 2017) и др. С нашей точки зрения, эмоциональная культура не имеет одной ярко выраженной характеристики и скорее всего представляет собой некую конфигурацию культурных представлений и соответствующих эмоциональных норм, практикуемых сообществами («эмоциональные сообщества»). Эмоциональную культуру характеризует особое сочетание эмоциональных практик, стилей, сценариев, возникающих в ответ на разные стимулы, вызовы и угрозы. Поэтому наряду с усилением трево-

ги и страха, может также сохраняться режим симпатии, а видимая бесчувственность — оборачиваться переживанием непризнанного стыда, имеющего свои особые последствия, стремление к контролю над эмоциями — сочетаться с фиксацией на разного рода переживаниях, поиске аутентичных чувств, культе чувств (Hochschild, 1983; Illouz, 2012; Gonzalez, 2012; Salmela, Mayer, 2009 и др.). Эмоции, как мы убеждаемся в том числе и с помощью книги Плампера, выступают высоко рефлексивными феноменами, и внимание к ним есть проявление общей социальной рефлексивности по поводу сложного и быстро изменяющегося мира (Giddens, 1990; Gonzalez, 2017). Рефлексивность выражается в рефлексивной идентичности, рефлексивной жизненной истории, а наблюдение за чувствами обеспечивает индивиду ощущение подлинности/аутентичности. Эмоции становятся «драйверами» морального выбора в стремлении подтвердить свою идентичность (Bauman, 1993: 67).

Таким образом, эмоциональная культура современных (западных) обществ представляет собой комбинацию рационального отношения к эмоциям и сопровождается коллективными (часто ограниченными институционально) всплесками энтузиазма и чрезмерным акцентированием отдельных чувств (например, подлинной романтической любви [Illouz, 2012], подлинного «Я» [Hochschild, 1983]). Эмоциональная рефлексивность, которая рассматривается как свойственная большинству социальных действий, характеризует индивидуальное сознание, которое схватывает сложный и быстро изменяющийся мир посредством чувств, преодолевая тем самым его сложность и фрагментированность и придавая ему через чувства целостность и подлинность. Это подкрепляется современной культурой потребления (Campbell, 2005) и развитием медиа (Gonzalez, 2012), которые производят соответствующие продукты и нарративы для осмысления себя (идентичности) в столь сложном мире. Эмоции становятся одним из основных инструментов социальной рефлексивности: люди не только интересуются самим эмоциональным опытом, но пытаются усваивать знания об эмоциях, чтобы управлять ими.

В целом «эмоциональный поворот» в науках и культуре обусловлен появлением *новой эмоциональной рефлексивности*: «эмоциональный поворот» можно назвать «неосентименталистским течением в современной науке», исследователи видят человека как [прежде всего] чувствующее существо, стремятся установить гносеологические, этические и эстетические основания человеческих переживаний, говорят о роли определенных эмоций в формировании личности и целых сообществ (Винницкий, 2012). Мы осмелимся назвать культуру современных обществ *новым «чувствительным» веком*, хотя она имеет свои особенности. Мы вовсе не исключаем, что у эмоционального поворота есть и другие причины, но упомянутые представляются наиболее общими и существенными.

Теперь научная картина мира не выглядит полной без изучения эмоциональных измерений человеческого опыта: эмоции представляются своего рода «ключом» к подлинному опыту человека. Сегодня социальный опыт индивида претерпевается через акцентирование его личных чувств. Различие между разумом

и чувствами можно рассматривать как исторический социальный конструкт, на что указывают и современные исследования. Однако заметим, что человек одновременно и управляет эмоциями, и стремится к свободному их выражению, а рациональный индивидуализм сосуществует в современном мире с коллективным энтузиазмом и воодушевлением.

Задачей социологического исследования здесь является поиск того, при каких условиях и в соответствии с какими правилами люди управляют эмоциями. Эмоции помогают выстроить собственную идентичность, осуществляя оценку ситуации и коммуникативную функцию (Stets, Turner, 2014: 33–50). Эмоции являются динамичным переживанием моральных правил, влияют на ориентацию социальных действий и интерпретацию ситуаций, способствуют закреплению культурных символов, совмещая в себе одновременно и физическую, и когнитивную, и феноменологическую (языковую, культурную), а иногда явную поведенческую реакцию. Эмоции «говорят» индивиду о его связи с социальным миром, комментируют его интересы и стремления (Archer, 2003), являются источниками самопознания, «строительными блоками» идентичности. Книга Плампера еще долго не потеряет актуальности, поскольку способствует пониманию происходящего именно в этом ключе, выделяя важную роль проживаемого опыта человека, и одновременно дает возможность задуматься над генерализующими моделями эмоциональности, дальнейшей разработкой терминологии, методами изучения эмоций на основе документальных и визуальных источников. Социология эмоций, безусловно, обладает своими особенностями, но, отказавшись от фактологического богатства истории, рискует ошибаться, настаивая на обобщениях и общих тенденциях. В целом, вероятно, панэмотивизм современного общества даст возможность более глубокого проникновения в культуру, привлекая междисциплинарный потенциал науки.

Литература

- Винницкий И. (2012). Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте» // Новое литературное обозрение. № 117. С. 441–460.
- Бардина С. М. (2017). Психофармакологическое конструирование эмоций: Prozac против дуализма сознания и тела // Социология власти. Т. 29. № 3. С. 41–58.
- Зорин А. Л. (2016). Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение.
- Голубев А. (2018). Стыд за нацию: аффективная идентификация и политическое высказывание в России начала XXI века // Неприкосновенный запас. № 117. С. 309–327.
- Плампер Я., Шахадат Ш., Эли М. (ред.) (2010). Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое литературное обозрение.

- Симонова О. А. (2016). Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. № 4. С. 12–27.
- Фельдман Баррет Л. (2018). Как рождаются эмоции: революция в понимании мозга и управлении эмоциями / Пер. с англ. Е. Поникарова. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Элиас Н. (2001). О процессе цивилизации. Т. 2 / Пер. с нем. А. М. Руткевича. М., СПб.: Университетская книга.
- Ahmed S. (2004). *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Archer M. S. (2000). *Being Human: The Problem of Agency*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Barbalet J. M. (1999). *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bauman Z. (1993). *Postmodern Ethics*. Cambridge: Polity.
- Beck U. (2000). *The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory*. L.: SAGE.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. (2001). *Individualization. Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. L.: SAGE.
- Bericat E. (2016). *The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress* // *Current Sociology*. Vol. 64. № 3. P. 491–513.
- Campbell C. (2005). *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*. Oxford: Blackwell.
- Clark C. (1997). *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dixon T. (2003). *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Flamarique L. (2012). From the Psychologization of Experience to the Priority of Emotions in Social Life // González A. M. (ed.). *The Emotions and Cultural Analysis*. Burlington: Ashgate. P. 51–68.
- Furedi F. (2004). *Therapy Culture. Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. L.: Routledge.
- Furedi F. (1997). *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*. L.: Cassell.
- Giddens A. (1990). Foreword // Scheff Th. *Microsociology: Discourse, Emotion and Social Structure*. Chicago: University of Chicago Press. P. ix–xiv.
- González A. M. (2012). Emotional Culture and the Role of Emotions in Cultural Analysis // González A. M. (ed.). *The Emotions and Cultural Analysis*. Burlington: Ashgate. P. 1–18.
- Gonzalez A. M. (2017). In Search of a Sociological Explanation for the Emotional Turn // *Sociologia, Problemas e Práticas*. № 85. P. 27–45.
- Hochschild A. R. (1983). *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: Univ. of California Press.

- Hochschild A. R.* (2007). *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*. Berkeley: University of California Press.
- Hookway N.* (2013). Emotions, Body and Self: Critiquing Moral Decline Sociology // *Sociology*. Vol. 47. № 4. P. 841–857.
- Illouz E.* (2007). *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity.
- Illouz E.* (2012). *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity.
- Kalat J. W., Shiota M. N.* (2007). *Emotion*. Belmont: Wadsworth.
- Keltner, D., Gross, J. J.* (1999). Functional Accounts of Emotions // *Cognition & Emotion*. Vol. 13. № 5. P. 467–480.
- Lasch Ch.* (1979). *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. N.Y.: Norton.
- Reddy W. M.* (2001). *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Reiff Ph.* (1987). *The Triumph of the Therapeutic: Uses of Faith after Freud*. N.Y.: Harper & Row.
- Rosenwein B. H.* (2006). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University Press.
- Rosenwein B.* (2002). Worrying about the Emotions in History // *American Historical Review*. Vol. 107. № 3. P. 821–845.
- Salmela M., Mayer M.* (2009). *Emotions, Ethics and Authenticity*. Amsterdam: John Benjamins.
- Scheer M.* (2012). Are Emotions a Kind of Practice (and is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // *History and Theory*. Vol. 51. № 2. P. 193–220.
- Scheff Th.* (1990). *Microsociology: Discourse, Emotion and Social Structure*. Chicago: University of Chicago Press.
- Scheff Th.* (2011). Social-Emotional World: Mapping a Continent // *Current Sociology*. Vol. 59. № 3. P. 347–361.
- Scheff Th.* (2014). The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity // *Cultural Sociology*. Vol. 8. № 2. P. 129–141.
- Sennett R.* (2006). *The Culture of the New Capitalism*. New Haven: Yale University Press.
- Stearns P. N., Stearns C. Z.* (1985). Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *American Historical Review*. Vol. 90. № 4. P. 813–836.
- Stets J. E., Turner J. H.* (eds) (2014). *Handbook of the Sociology of Emotions*. Vol. 2. Berlin: Springer.
- Turner J. H.* (2007). *Human Emotions: A Sociological Theory*. L.: Routledge.

The Study of Emotions as an Area of Interdisciplinary Cooperation: The History and Sociology of Emotions in the Search for the Explanation of “Emotional Turn” (On the Russian Translation of the Jan Plamper’s *The History of Emotions*)

Olga Simonova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: osimonova@hse.ru

A review of Y. Plamper’s book *The History of Emotions* could hardly reflect its content of the process of the emergence of the history of the discipline of emotions, and the rich variety of problems and themes in the field of emotion research. Therefore, the topic of this article concerns the meaning of this monograph for the sociological study of emotions. We tried to highlight the points of the intersection of the history and the sociology of emotions, including the sociological explanation of the so-called “emotional turn” in social sciences and humanities and in everyday life of contemporary society. The main theoretical and methodological opposition — social constructivism versus universalism/naturalism — pervades all sciences researching emotions today, and a researcher’s destiny depends on the choice within the framework of this opposition. Plamper’s book allows the making of that choice, while inciting researchers to a synthetic approach. The book helps to refine and enrich the sociological study of emotions on the basis of factual evidence and new terminology. One of the most important tasks of both disciplines is the explanation of the changes of the emotional culture of modern societies, which, according to the author of the article, involves an “explosion” of interest in emotions in theory, research, and everyday life. Perhaps a new “sentimental age” has begun as an unintended consequence of the rationalization of all spheres of society. The combination of a rational attitude to emotions and, at the same time, the special attention to feelings, the explosions of collective emotions, and the persistent searching for authentic feelings are features of the emotional culture of our time.

Keywords: the history of emotions, the sociology of emotions, constructivism and universalism, emotional culture, rationalization, emotional reflexivity

References

- Ahmed S. (2004) *The Cultural Politics of Emotion*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Archer M. S. (2000) *Being Human: The Problem of Agency*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Barbalet J. M. (1999) *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological approach*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bardina S. (2017) Psikhofarmakologicheskoe konstruirovaniye emotsiy: Prozac protiv dualizma soznaniya i tela [Psychopharmacology Constructing Emotions: Prozac versus Mind-Body Dualism]. *Sociology of Power*, vol. 29, no 3, pp. 41–58.
- Bauman Z. (1993) *Postmodern Ethics*, Cambridge: Polity.
- Beck U. (2000) *The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory*, London: SAGE.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. (2001) *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*, London: SAGE.
- Bericat E. (2016) The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress. *Current Sociology*, vol. 64, no 3, pp. 491–513.
- Campbell C. (2005) *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*, Oxford: Blackwell.
- Clark C. (1997) *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life*, Chicago: University of Chicago press.
- Dixon T. (2003) *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Elias N. (2001) *O processe civilizatii. T. 2* [On the Process of Civilisation, Vol. 2], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Feldman Barret L. (2018) *Kak rozhdayutsya emotsii. Revolyutsiya v ponimanii mozga i upravlenii emotsiyami* [How Emotions are Made: The Secret Life of the Brain], Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Flamarique L. (2012) From the Psychologization of Experience to the Priority of Emotions in Social Life. *The Emotions and Cultural Analysis*. (ed. A. M. González), Burlington: Ashgate, pp. 51–68.
- Furedi F. (2004) *Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*, London: Routledge.
- Furedi F. (1997) *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*, London: Cassell.
- Giddens A. (1990) Foreword. Scheff Th., *Microsociology: Discourse, Emotion and Social Structure*, Chicago: University of Chicago Press, pp. ix–xiv.
- Golubev A. (2018) *Styd za natsiyu: affektivnaya identifikatsiya i politicheskoe vy-skazyvanie v Rossii nachala XXI veka* [Nation Shame: Affective Identification and Political Rhetoric in Russia in the Early 21st Century]. *Neprikosnovenny zapas*, no 117, pp. 309–327.
- González A. M. (2012) Emotional Culture and the Role of Emotions in Cultural Analysis. *The Emotions and Cultural Analysis* (ed. A. M. González), Burlington: Ashgate, pp. 1–18.
- Gonzalez A. M. (2017) In Search of a Sociological Explanation for the Emotional Turn. *Sociologia, Problemas e Práticas*, no 85, pp. 27–45.
- Hochschild A. R. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*, Berkeley: University of California Press.
- Hochschild A. R. (2007) *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*, Berkeley: University of California Press.
- Hookway N. (2013) Emotions, Body and Self: Critiquing Moral Decline Sociology. *Sociology*, vol. 47, no 4, pp. 841–857.
- Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*, Cambridge: Polity Press.
- Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*, Cambridge: Polity Press.
- Kalat J. W., Shiota M. N. (2007) *Emotion*, Belmont: Wadsworth.
- Keltner, D., Gross, J. J. (1999). Functional Accounts of Emotions. *Cognition & Emotion*, vol. 13, no 5, pp. 467–480.
- Lasch Ch. (1979) *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*, New York: Norton.
- Plamper Y. (2018) *Istoriya emotsiy* [The History of Emotions], Moscow: New Literary Observer.
- Plamper Y., Shakhadati Sh., Eli M. (eds.) (2010) *Rossiyskaya imperiya chuvstv: podkhody k kul'turnoy istorii emotsiy* [Russian Empire of Feelings: An Approaches to the Cultural History of Emotions], Moscow: New Literary Observer.
- Reddy W. M. (2001) *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Reiff Ph. (1987) *The Triumph of the Therapeutic: Uses of Faith after Freud*, New York: Harper & Row.
- Rosenwein B. H. (2006) *Emotional Communities in the Early Middle Ages*, Ithaca: Cornell University Press.
- Rosenwein B. (2002) Worrying about the Emotions in History. *American Historical Review*, vol. 107, no 3, pp. 821–845.
- Salmela M., Mayer M. (2009) *Emotions, Ethics and Authenticity*, Amsterdam: John Benjamins.
- Scheer M. (2012) Are Emotions a Kind of Practice (and is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion. *History and Theory*, vol. 51, no 2, pp. 193–220.
- Scheff Th. (1990) *Microsociology: Discourse, Emotion and Social Structure*, Chicago: University of Chicago Press.
- Scheff Th. (2011) Social-Emotional World: Mapping a Continent. *Current Sociology*, vol. 59, no 3, pp. 347–361.
- Scheff Th. (2014) The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity. *Cultural Sociology*, vol. 8, no 2, pp. 129–141.
- Sennett R. (2006) *The Culture of the New Capitalism*, New Haven: Yale University Press.
- Simonova O. (2016) *Bazovye printsipy sotsiologii emotsiy* [Basic Principles of the Sociology of Emotions]. *Vestnik SPbSU. Sociology*, no 4, pp. 12–27.

- Stearns P. N., Stearns C. Z. (1985) Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *American Historical Review*, vol. 90, no 4, pp. 813–836.
- Stets J. E., Turner J. H. (eds.) (2014) *Handbook of the Sociology of Emotions*, Vol. 2, Berlin: Springer.
- Turner J. H. (2007) *Human Emotions: A Sociological Theory*, London: Routledge.
- Vinnitsky I. (2012) Zagovor chuvstv ili russkaya istoriya na "emotsional'nom povorote" [Conspiracy of Feelings; or, The Russian History on the "Emotional Turn"]. *New Literary Observer*, no 117, pp. 441–460.
- Zorin A. (2016) *Poyavlenie geroya: iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka* [Appearance of the Character: Excerpts from the History of Russian Emotional Culture of the late 18th — early 19th centuries], Moscow: New Literary Observer.